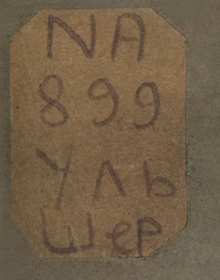

Ульянка.

«*Юліанка* — Финская деревня С.-Петербургской губерніи, въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, подлѣ загороднаго дома, принадлежащаго графу Панину. Тутъ есть и небольшая каменная Россійская церковь. Жилой домъ на дачѣ есть деревянный и состоитъ изъ трехъ зданій, въ одинъ рядъ соединенныхъ между собою колонадами. Большой плодоносный и увеселительный садъ съ теплицами, оранжереею, каналами, увеселительными домиками, бесѣдками и проч.».

Слов. Щекатова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

УЛЬЯНКА.

«*Юліанка*—Финская деревня С.-Петербургской губерніи, въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, подлѣ загороднаго дома, принадлежащаго графу Панину. Тутъ есть и небольшая каменная Россійская церковь. Жилой домъ на дачѣ есть деревянный и состоитъ изъ трехъ зданій, въ одинъ рядъ соединенныхъ между собою колонадами. Большой плодоносный и увеселительный садъ съ теплицами, оранжереею, каналами, увеселительными домиками, бесѣдками и проч.».

Слов. Щекатова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 5 апрѣля 1893 г.

Въ концѣ прошлаго столѣтія подъѣзжала къ Петербургу madame Vigée le Brun. Ѣхала она нынѣшнею Петергофскою дорогою и вотъ какъ описываетъ этотъ путь: „Я прибыла въ Петербургъ 25 іюля 1795 года Петергофскою дорогою, которая дала мнѣ выгодное понятіе о городѣ. Эта дорога съ двухъ сторонъ окаймлена прелестными дачами, окружена садами, изящнѣйшаго вкуса въ англійскомъ родѣ. Жители воспользовались мѣстностью, которая очень болотиста, чтобы украсить эти сады, въ которыхъ находятся кіоски и красивые мостики, каналы и протекающіе ручейки. Къ несчастію, необыкновенная сырость по вечерамъ разочаровываетъ этотъ игривый видъ; даже до захожденія солнца по этой дорогѣ подымается такой туманъ, что можно подумать,

что вы окружены дымомъ почти чернымъ“ *). Дорога эта въ то время была дѣйствительно самою оживленною. Рядъ садовъ не смѣнялся до Петербурга, тамъ, гдѣ теперь кабаки и огороды. Здѣсь въ своемъ Киріановѣ проживала княгиня Е. Р. Дашкова, а въ „Шампетрѣ“ (Champètre) прадѣдъ мой Петръ Борисовичъ; еще ближе къ Петербургу жили Трубецкіе, а въ Нарышкинскомъ „Га-га“ **) гремѣла музыка и давались роскошные праздники. Въ пятидесятыхъ годахъ Нарышкинская дача уже была давно продана и принадлежала Тупорылову. Мѣстность, гдѣ нынѣ домъ умалишенныхъ, была когда-то дачей князей Щербатовыхъ; за нею дачи графа Брюса, графа Воронцова, графа Головина, Петра Амплеевича

*) M-me Vigée le Brun (р. 1755—58) подъ руководствомъ Joseph Vernet и Greuse прославилась своими портретами и въ Петербургѣ пользовалась общимъ сочувствіемъ. Въ воспоминаніяхъ своихъ и она сохранила объ Россіи добрую память.—*Souvenirs*. d. M-me Vigée le Brun. I, 307.

**) „Ha-ha“ такое наименованіе присвоивалось въ французскихъ садахъ временъ Ленотра—особаго рода просѣкамъ, одинъ видъ которыхъ долженъ вызвать такой возгласъ.

Шепелева тянулись по направленію къ Лигову. Не доѣзжая до послѣдняго, еще въ мое время уцѣлѣлъ такъ называемый *Соломенный кабачекъ*, совершенно заслоненный славою когда-то знаменитаго Краснаго кабачка, столь знакомаго молодежи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Въ мѣстности, гдѣ теперь Ульянковскій приходъ, во время основанія Петербурга и позднѣе, жили переведенные изъ Москвы дворцовые садовники, сдѣлавшіеся потомъ крестьянами Орлова и Буксгевдена и наконецъ графини Кушелевой. Кромѣ того, жили ямщики, вытребованные изъ Вологды Петромъ Великимъ для отправленія почтовой гоньбы... Донынѣ сохранилась деревня „Вологодская ямская", не далеко отъ Чесменской богадѣльни. Крестьяне финны населяли деревню Автову и др. *).

Что касается до Краснаго кабачка, то онъ принадлежалъ наслѣдникамъ герцогини Кинг-

*) *Историко-Статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской Епархіи.* Спб. 1884. VIII, 140—141.

стонъ и существовалъ по преданію изстари *). Здѣсь въ 1762 году, на пути въ Петергофъ, ночевала Екатерина.

Вблизи кладбище, переведенное сюда отъ церкви въ 1776 году, по просьбѣ Вологодскихъ ямщиковъ. Здѣсь когда-то былъ „редутъ“ — остатки котораго сохранились и понынѣ.

На одиннадцатой верстѣ Петергофской дороги находится *Ульянка*, когда-то принадлежавшая графу П. И. Панину. Отъ него перешла она къ графу Никитѣ Петровичу.

Не мало писемъ его за послѣднее время до отставки отправлены имъ изъ Ульянки. Удаленіе его въ Дугино круто измѣнило образъ его жизни и онъ рѣшился продать ненужную ему Ульянку. Дѣдъ мой, Николай Петровичъ, искалъ себѣ въ то время пріюта послѣ постигшаго его горя въ 1803 году и рѣшился на эту покупку послѣ смерти бабушки. Онъ не желалъ возвращаться въ Москву, гдѣ все напоминало ему о счастливомъ прошломъ.

*) Георги. *Опис. Петерб.*, стр. 713.

Въ Ульянкѣ доживалъ онъ свои послѣдніе годы и здѣсь же, послѣ его кончины, поселился мой отецъ и провелъ всю молодость и до послѣднихъ лѣтъ жизни — когда не уѣзжалъ въ Москву. Здѣсь и мнѣ суждено было прожить долгіе годы по возвращеніи изъ Москвы и послѣ кончины моей матери.

До 1863 года я не зналъ другой деревни и здѣсь же со временъ дѣда неизмѣнно проживала Т. В. Шлыкова. Вотъ почему для меня съ Ульянкой преимущественно сливается память о Татьянѣ Васильевнѣ. Здѣсь же какъ-то особенно ясно вижу передъ собою отца, который очень любилъ Ульянку и дорожилъ ею не менѣе Останкина.

Домъ, въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ при Панинихъ, въ 40-хъ годахъ, становился уже ветхимъ. Онъ былъ деревянный и жить въ немъ было трудно. Мѣсто вообще было сырое и низменное. Моя мать никогда не могла къ нему привыкнуть и стремилась въ Кусково. При ней, однако, началась перестройка дома по плану архитектора Корсини, но за-

конченъ онъ былъ уже послѣ ея кончины и въ первые годы переѣзда нашего въ Ульянку часть дома такъ и оставалась недодѣланною, безъ печей и половъ.

Большимъ удобствомъ служила близость церкви св. Петра митрополита, построенная при Петрѣ.

Въ нашемъ домѣ ничего не было художественнаго. Случайно попадались въ немъ нѣкоторые хорошіе предметы изъ Петербургскаго дома, но они терялись среди хлама. Уцѣлѣло нѣсколько портретовъ. Такъ случайно найденъ былъ мною портретъ графини Анны Петровны Шереметевой въ дѣтствѣ. Это сестра дѣда, нѣкогда невѣста хозяина Ульянки графа Никиты Ивановича Панина, преждевременно скончавшаяся въ 1768 году,—когда-то блиставшая на знаменитой Екатериненской каруселн 1766 года и ради которой пострадалъ Порошинъ... Нашелся и портретъ какой-то неизвѣстной молодой женщины. Портретъ небольшой писанъ масляными красками на деревѣ, изображаетъ молодую сидящую женщину въ вырѣзномъ

платьѣ; на плечи накинута горностаевая мантія, на шеѣ четыре ряда жемчуговъ, на головѣ словно малороссійскій повойникъ, съ приколотыми къ нему цвѣтами и обвитый тюлемъ; вокругъ таліи поясъ съ двумя круглыми металлическими бляхами. Лѣвая рука лежитъ на преподнятомъ колѣнѣ, правой придерживаетъ грудь. Черты лица и руки отдѣланы очень тонко. Работа очень изящна и замѣчательно хорошо выдѣланъ мѣхъ горностая. Волосы и брови черные. На правой рукѣ два браслета, слѣва на груди словно алмазное украшеніе, полуприкрытое горностаемъ. На портретѣ № 502. Повидимому онъ вставленъ въ чужую золоченую раму. На портретной доскѣ была надпись, которую теперь нельзя разобрать. На рамѣ карандашемъ написано M. Demaroli (?), но рама для портрета слишкомъ широка, кромѣ того на рамѣ карандашемъ начертано № 160.

Въ гостиныхъ висѣли тусклыя картины сѣроватаго оттѣнка—виды Волги работы братьевъ Чернецовыхъ; нѣсколько старомодныхъ стуль-

евъ, диванъ въ видѣ буквы S и зеркало Прасковьи Ивановны въ комнатахъ Татьяны Васильевны, да образъ Неопалимой Купины, который мой дѣдъ тотчасъ послѣ покупки Ульянки велѣлъ повѣсить на потолкѣ бельведера. Вотъ и все, что сохранилось отъ прошлаго.

Я засталъ еще обширныя оранжереи къ сторонѣ взморья. Онѣ славились своими фруктами, но въ шестидесятыхъ годахъ ихъ уничтожили.

Сохранилась и донынѣ мебель кабинета моей матери, въ такъ называемомъ готическомъ вкусѣ, въ родѣ Петергофской мебели временъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Хороши были большіе столовые часы—краснаго дерева съ бронзой, старой англійской работы. Они и донынѣ цѣлы.

Отецъ всего болѣе любилъ залу въ два свѣта, въ которой легко было пѣть, и крытый балконъ къ сторонѣ сада, гдѣ въ праздничные и семейные дни бывали обѣды.

Оранжереи были и около самаго дома, гдѣ

жилъ садовникъ старикъ Кабановъ, а смотрителемъ дома былъ опытный стрѣлокъ и охотникъ Дикушевъ, родственникъ строителя Останкинскаго дома.

Уцѣлѣлъ еще въ мое время старый деревянный флигель, помнившій времена Паниныхъ. Онъ совсѣмъ скривился и деревянная крыша его заросла мохомъ. Въ немъ долгіе годы жила Татьяна Васильевна, пока не переѣхала въ перестроенный большой домъ.

Я еще бывалъ у ней въ помѣщеніи флигеля, въ маленькой комнатѣ съ диваномъ, на которомъ была шитая подушка бисеромъ съ изображеніемъ бѣгущей бѣлой собаки.

Въ дѣтствѣ моемъ я еще засталъ лѣса вокругъ Ульянки; мѣста были глухія, особенно подалѣе отъ большой дороги, но съ постройкою Петергофской желѣзной дороги застучалъ топоръ. Лѣса кругомъ стали быстро исчезать. Наступили шестидесятые года. Дольше другихъ держался лѣсъ въ Ульянкѣ и въ немъ стоялъ „домикъ", устроенный дѣдомъ, любившимъ всегда уединеніе.

Прогулка къ „домику“ была однимъ изъ главныхъ развлеченій,—въ немъ было пусто и нежилò, и окна были заставлены ставнями. Домикъ этотъ верстахъ въ трехъ отъ большого дома и когда до него доходила Татьяна Васильевна, то это считалось событіемъ, о которомъ долго говорили... У этого домика протекалъ ручей, который при мнѣ уже почти совсѣмъ высохъ. Въ лѣсу не всегда бывало безопасно. Въ сторожкахъ на берегу Лиговскаго канала, за лѣсомъ, проживали иногда темные и невѣдомые люди и, какъ говорятъ, пошаливали.

Сосѣдство дома умалишенныхъ также не отличалось удобствомъ. Бывали случаи побѣга больныхъ, скрывавшихся въ окрестныхъ лѣсахъ.

Въ саду были пруды и три острова; на одномъ изъ нихъ еще уцѣлѣла въ мое время береза, на которой вырѣзали первыя буквы своихъ именъ *Панины*. Это дерево и надписи на немъ мнѣ показывала Татьяна Васильевна.

Сосѣдняя съ нами дача, церковная, быв-

шая Головина, деревянная, цвѣта охры съ бѣлыми колоннами и съ большимъ балкономъ. Здѣсь, по возвращеніи изъ ссылки, нѣкоторое время проживалъ Сперанскій. Около нея церковь св. Петра митрополита. Основаніе церкви относится ко временамъ Петра... Такъ гласитъ о ней слѣдующій документъ отъ 5 сентября 1740 года: „Святѣйшему Правительствующему Синоду. Доноситъ генералъ-маіора и ордена Александра-Невскаго кавалера и Смоленской губерніи губернатора, Александра Борисовича Бутурлина, служитель Іоакимъ *Мартиновскій*, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты. Въ прошлыхъ годахъ, когда при С.-Петербургѣ приморскія мѣста еще поселялись, въ приморскомъ домѣ боярина Петра Ивановича Бутурлина церковь Петра митрополита построена, по указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго, а по смерти онаго боярина, нынѣ то село обрѣтается за вышереченнымъ генераломъ и кавалеромъ, именуемое село Петровское, и въ той церкви имѣлся

священникъ Титъ Георгіевъ съ причетниками, на господской ругѣ"... Изъ дальнѣйшаго видно, что 14 марта 1740 г., „оный священникъ Титъ умре", „а на его мѣсто Бутурлинъ ходатайствуетъ о назначеніи обрѣтающагося здѣсь въ Петербургѣ Московскаго Верхорождественскаго собора священникова сына Дмитрія Дмитріева...", который и былъ назначенъ.

Существуетъ указъ 22 іюня 1722 г. на имя „перваго церкви этой священника Тита Георгіева о приношеніи свѣчъ и зажиганіи ихъ въ церкви". Самая церковь въ указѣ этомъ названа церковію Петра митрополита, что „за Краснымъ Кабачкомъ".

При церкви нѣкогда находилась Финская деревня *Юліанка*, стоявшая подлѣ дачи графовъ Паниныхъ. Старожилы передавали, что вблизи церкви, противъ бывшей дачи Воронцова, жила нѣкая Ульяна, продававшая водку. Кабачекъ этотъ какъ разъ приходится на полдорогѣ между Краснымъ и Соломеннымъ.

Существуетъ изображеніе этого кабачка— гравюра Березникова съ рисунка Маера (Mayer)

и съ надписью „Vue d'un des environs d. Ouliauka a sept verstes de Pétersbourg". Изображено деревянное зданіе съ окномъ и открытою дверью, надъ которымъ щитъ, съ двуглавымъ орломъ. Около зданія группа мужиковъ и тутъ же привязанная лошадь. Въ открытую дверь видны сидящіе въ избѣ мужики...

Я засталъ еще старое деревянное зданіе,— крыша котораго совершенно покосилась. На немъ съ трудомъ можно было прочесть „входъ въ гостиницу въ Ульянку".

Преданіе связываетъ съ этимъ кабачкомъ имя Петра Великаго.

Не доѣзжая до Соломеннаго кабачка и донынѣ красуется дача Ильиныхъ съ прекраснымъ паркомъ; старинный домъ сохранился въ неприкосновенности. Здѣсь во главѣ многочисленной и почтенной семьи жила Екатерина Сергѣевна Ильина. То были изстари прихожане церкви св. Петра митрополита. Церковное зданіе, въ настоящее время совсѣмъ перестроено, но мнѣ дорога прежняя церковь по воспоминаніямъ многихъ лѣтъ.

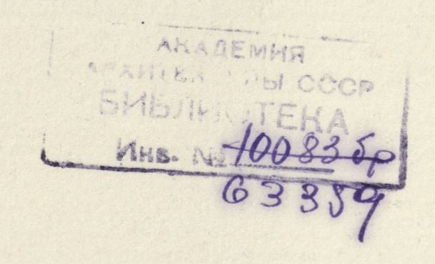
Въ ней долгіе годы неизмѣнно служилъ о. Степанъ Нечаевъ, и служба при немъ была прекрасная, при участіи отцовскаго хора, проживавшаго въ сосѣдней дачѣ.

Помню стараго и не всегда трезваго дьячка большого роста съ косичкой; звали его Аѳанасіемъ, онъ почиталъ себя басомъ и пѣвалъ иногда преувеличенно развязно. Часто служили крестьяне молебны св. мученику Уару о здравіи дѣтей. Слышу его старческій рѣзкій голосъ и возгласы его: „Святый мучениче Уаре, моли Бога о насъ". При этомъ онъ какъ-то особенно выкрикивалъ „Уаре!" Икона св. мученика Уара, съ Дѣяніями, древняя, весьма чтимая. По старой описи она значится изъ „Московскихъ"; сохранилась также икона св. апостола Петра и Іоанна Предтечи, писанная, какъ сказано въ описи, въ память царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Но самая замѣчательная икона—это Черниговской Божіей Матери. На ней изображены планъ Азовской битвы, видъ Троицкаго Черниговскаго Ильинскаго монастыря, видъ крестнаго

хода, въ предшествіи патріарха Адріана, и двѣ поднесенныя игуменомъ монастыря Лаврентіемъ Крисоновичемъ привѣтственныя рѣчи Петру I, по случаю Азовской побѣды 1696 г.

На образѣ помѣщены два Россійскихъ Императорскихъ герба. Образъ украшенъ серебряной ризой съ серебряными вызолоченными вѣнцами. Убрусъ на Божіей Матери и на Спасителѣ полужемчужный.

Вотъ какъ привѣтствуетъ Петра Лаврентій: „Древы мыслянныя Пречистыя Дѣвы Богородицы на иконѣ своей чудодѣйствующей благодареніе приносимъ ко престолу священному. Побѣдоносный Монархъ! Православный Петръ Алексѣевичъ! Егда бывше царское пресвѣтлое величество преславну, надъ Агаряномъ, надъ Азовомъ, тріумфу, тогда и размышляше, се торжествуютъ и хвалится яко кедръ вознесохся въ Ливанѣ, яко кипарисъ на горахъ Ермонскихъ, и яко финикъ вознесохся иже на примори кому паче достоитъ хвалитися симъ мысленнымъ раемъ, аще не вашима высокопарныма орлу царскому иже аки херувимъ стре-

гущій очимъ высокомысленна гора на враговъ креста Христова отъ него прогоняетъ, яко Петръ камень вѣры чистой и всякаго наставія непримѣсительно а о державѣ своего православія яко зеницу ока хранище единодержитъ; и ключи рая небеснаго. Примите благовѣрный Царю отъ насъ, богомольцевъ своихъ, сіе приношеніе садъ живоносенъ чюдотворной иконѣ богородичной, насажденной отъ Христа, и украсивши царскій тріумфъ богомольцевъ своихъ, постниковъ своихъ милости изволи хранити".

Въ другомъ привѣтствіи того же Лаврентія говорится между прочимъ: „во истину, Петръ Бога любиши, яко на брань вооружаешися въ силѣ, Константина вооружено на Бога уповаше... тако и ваше царское пресвѣтлое величество, нетокмо возвышеніе вашихъ святительскіихъ рукъ отъ самаго святѣйшаго патріарха и митрополитовъ, преосвященныхъ архиіереевъ Божіихъ требуеши все своей царственной державѣ освященными іереи и мірскимъ людемъ молитвы приношеніе заповѣдуеши".

Сравнивая Петра съ Византійскимъ Императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, Лаврентій говоритъ: „такожде и вшедъ въ церковь пресвѣтлые великій царствующій Государь, яко высокопарный орелъ человѣчію главу имѣя крѣпкій скименъ львовъ. Соломонъ рече: иже не отвращается тако и вамъ царскій вѣнецъ не устрашается донележе побѣждаетъ врага креста Христова, ношнолунныя азійскія глухія аспиды превеликія змій ядовитый и пречудный безъ главу сирѣчь звѣрообразный...... Сего ради достоинъ еси принимати и честь воздавати имъ и чтить силу и благодареніе и почитать вѣнецъ неувядаемый его же и мы нижайшіи богомольцы по долговременномъ и благополучномъ царствованіи, вашему царскому пресвѣтлому величеству съ усердіемъ принесемъ вашему царскому пресвѣтлому величеству поднесшій нижайшій богомолецъ, Лаврентій Крисоновичъ Игуменъ монастыря Троицкой Ильинской Черниговска со братіею“ *).

Въ нѣскольких верстахъ за церковью

*) *Ист. Стат. Свѣд.* VIII, 151—153.

Петра Митрополита, по старой дорогѣ къ Красному Селу, близъ Лигова, но въ сторонѣ отъ всего движенія—и донынѣ стоитъ церковь Св. Адріана и Наталіи съ усыпальницею *Буксгевденовъ*, имъ когда-то принадлежало до 1840 года все Лигово. Позднѣе оно перешло къ гр. Кушелеву и еще въ 50 годахъ содержалось въ образцовомъ порядкѣ; не разъ пользовался я широкимъ гостепріимствомъ графини Е. Д. Кушелевой, всегда радушной и привѣтливой; помню какъ любила она Лигово, какъ охотно принимала гостей, но прежняго Лигова теперь не осталось и тѣни.

Годъ проходилъ за годомъ, а образъ жизни нашей въ Ульянкѣ не измѣнялъ разъ заведенному обычаю; ничто не нарушало ея спокойнаго и ровнаго теченія. Уединеніе нарушалось только въ табельные дни, въ церковные и семейные праздники.

1 августа ходили на воду крестнымъ ходомъ къ большому пруду. Отецъ устраивалъ Іордань и украшалъ ее растеніями и цвѣтами. Народу

бывало множество и крестный ходъ былъ всегда торжественный.

Церковное торжество заканчивалось обильной трапезой, все духовенство, сосѣди, и пріѣзжіе изъ Петербурга, и всѣ домашніе оставались до поздняго вечера... То не было общество такъ-называемаго „свѣта“ — музыка и пѣніе соединяли любителей—не было никакой исключительности, всѣмъ былъ равный почетъ, всѣ были гости дорогіе.

...Помню, какъ однажды проѣздомъ заѣхалъ къ отцу на Ульянку С.-Петербургскій митрополитъ Григорій... Отецъ глубоко его почиталъ и очень обрадовался посѣщенію. Засталъ я митрополита на большомъ балконѣ съ отцемъ и Татьяной Васильевной... вижу, какъ подошли къ нему три мальчика нашего хора. Митрополитъ удивленно посмотрѣлъ на отца, но когда эти мальчики запѣли *исполла*, онъ просвѣтлѣлъ и сердечно благодарилъ его.

Домъ нашъ, перестроенный А. Корсини, не отличался изяществомъ. Безконечно длинный съ мезониномъ и балкономъ для вида на за-

ливъ. Бывало, въ телескопъ наблюдали мы въ 1854 году за союзнымъ флотомъ, который однако же не могъ быть виденъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ. Кажется, въ этомъ же году появилась комета. Помню, какъ сосредоточенно подходила къ окну моему Татьяна Васильевна и, глядя на нее, тревожно вопрошала будущее.

Садъ разбитъ былъ довольно хорошо: березовыя и липовыя аллеи направлялись къ дому вдоль пруда, а посреди его большой, обсаженный березами, четырехугольный островъ, славившійся грибами.

Здѣсь проживалъ многіе годы воспитатель отца M-r Simonin, также великій собиратель грибовъ. Когда поиски его бывали успѣшны, онъ дѣлился своей радостію съ Татьяной Васильевной и издали кричалъ ей, выставляя корзину съ рыжиками: „Tatiana Wassilowna rigi, rigi!“.

Въ молодости моего отца въ Ульянкѣ бывало очень людно. Здѣсь жило все семейство Данауровыхъ съ попечителемъ его М. И. Да-

науровымъ, а позднѣе, когда отецъ служилъ въ полку, сюда наѣзжали его товарищи кавалергарды.

Когда, бывало, проходили войска въ Красносельскій лагерь, отецъ любилъ выходить къ воротамъ и на дорогу; въ случаѣ же привала всегда хлопоталъ объ угощеніи.

Къ комнатамъ моимъ въ Ульянкѣ я скоро привыкъ и мнѣ онѣ даже полюбились. Жилъ я на концѣ дома; ночью сторожъ стучалъ въ желѣзную доску. Я засыпалъ подъ эти мѣрные звуки, или же сосчитывалъ число ударовъ, сравнивая одну ночь съ другой.

Былъ въ домѣ неизмѣнный теплый уголокъ — это комнаты Татьяны Васильевны. Заставалъ я ее не разъ за одинокимъ обѣдомъ. Ей прислуживалъ неизмѣнный Артемій Бондыревъ.

Я любовался ея тарелками; то были старинныя англійскія тарелки изъ синяго фарфора, подарокъ моего дѣда.

У нея былъ крытый балконъ, довольно глухой, весь обставленный зеленью и гераніями. Передъ нимъ красовался дубъ, у котораго

была желѣзная скамейка. Сюда любилъ приходить мой отецъ и подолгу сиживалъ подъ этимъ дубомъ, бесѣдуя съ Татьяной Васильевной. Все это мнѣ кажется было такъ недавно, такъ живы еще всѣ впечатлѣнія, такъ ясны всѣ подробности этой давно прошедшей жизни. И несмотря на грустный оттѣнокъ иныхъ воспоминаній, на ощущеніе однообразія и относительнаго одиночества — все же помяну я добромъ нашу Ульянку, съ которой уже теперь разстался навсегда, но гдѣ прожито столько годовъ невозвратнаго прошлаго отрочества и первой молодости.

Графъ Сергій Шереметевъ.

12 марта 1893 г.
С.-Петербургъ.

